

УДК 94(571)"191"
DOI: 10.17223/19988613/65/20

В.Г. Дацышен, Л.А. Кутилова

КИТАЙЦЫ В ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ 1910-х – 1920-е гг.: ИССЛЕДОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА ОБЩИНЫ МИГРАНТОВ И УТОЧНЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОНЯТИЙ

Рассматриваются особенности функционирования общины китайских мигрантов в Красноярске и Приенисейском крае в конце 1910-х – 1920-е гг. Характеристика общины китайских мигрантов дана в сравнении с классическим регионом китайского присутствия (Дальний Восток) и сибирскими территориями. Аргументируется непродуктивность анализа общины китайских мигрантов с точки зрения концепции диаспоры. Исследование основано на материалах региональных архивов, впервые вводимых в научный оборот.

Ключевые слова: Приенисейская Сибирь; китайские мигранты; региональный вариант общины мигрантов; концепция диаспор.

В 1990-е гг. тема диаспор прочно завоевала свое место в исследовательском пространстве, став на долгие годы предметом интереса историков, социологов, политологов, специалистов других гуманитарных сфер. Интерес к ней заставил обратиться как к теоретическому потенциалу концепции диаспор, так и к анализу конкретно-исторических условий функционирования сообществ, называемых диаспорами. Однако в ходе обсуждения довольно новой для российских гуманитариев темы обнаружили большое количество разночтений, отсутствие не просто общего понимания, что такое диаспора, но и принципиально разные подходы к анализу феномена, что спровоцировало серьезную междисциплинарную дискуссию [1–4 и др.]. Важную роль в раскрытии феномена сыграл русскоязычный научный журнал «Диаспоры», специально созданный для обсуждения всего многообразия проблем этого феномена и прояснения позиций исследователей, который начал выходить в 1999 г. (англоязычный журнал «Diaspora» – с 1991 г.).

Отмечая разрастание миграционных потоков и то увеличивающееся влияние, которое они оказывают на ситуацию во всем мире, редакция журнала справедливо подчеркивала возрастание проблем диаспор, их важные политические последствия. Спустя годы подобные проблемы не только не утратили своей значимости, напротив, тема стала одной из самых сложных и актуальных в современном мире, где проблемы отношения к массовым миграциям, адаптации мигрантов в новом принимающем сообществе, конфликтов по этому поводу приобрели институциональный характер. В то же время отметим, что в исследовательском пространстве жаркие дискуссии давно прошли, поток публикаций уменьшился, тема, что называется, укоренилась, но мы по-прежнему сталкиваемся с неразработанностью концепции диаспор, с неопределенностью термина «диаспора», его расширительным толкованием и употреблением. Причем не только в обыденной сфере, но и в научном дискурсе. Диаспорой продолжают называть и любые части этноса, оказавшиеся в силу

разных причин вне пределов своего традиционного проживания, и национально-культурные общества, реализующие свою деятельность главным образом в фольклорной сфере, и землячества, и просто любые группы иноэтничного населения. Подразумевается при этом, что «диаспора» является социальным организмом, к которому принадлежат по факту этнической принадлежности. Иногда диаспора видится организованным сообществом, корпорацией, официально оформленной организацией с взаимными обязательствами и коллективной ответственностью. Термину пытаются придать даже правовое содержание. В общественном дискурсе именно в таком смысле любят использовать термин чиновники и журналисты, функционеры национально-культурных объединений, убежденные, что имеют право выступать от имени «диаспоры» и даже обладать властными полномочиями над ее членами. Таким образом, произошла экспансия термина в повседневную общественную жизнь.

Однако зачастую и в общественных науках термин употребляется расширительно без связи с его теоретическим осмыслением, с разработкой концепции диаспор. Понимая, что не всегда стремление в ходе теоретических дискуссий придать термину универсальное содержание достигает цели, что многие другие термины функционируют в науке, несмотря на разные значения, что мы используем их по умолчанию, подчеркиваем, что в таком случае обращение к термину «диаспора» требует концептуальных уточнений. В анализе ключевых проблем диаспороведения важным для авторов статьи является тезис о том, что наличие лиц одной национальности, которые живут вне пределов своего традиционного проживания, – это еще не диаспора, а только условие для ее реализации. Общность может и не стать диаспорой. Диаспора – это прежде всего идущий снизу процесс адаптации членов сообщества к новым условиям жизни, позволяющий ощущать связь с родиной и одновременно успешно адаптироваться в новом окружении, поддерживать свою идентичность путем балансирования между «измениться» и «сохра-

ниться». В этом смысле определяющим является выбор жизненной стратегии на новом месте обитания.

У части гуманитариев, изучающих тему, сегодня сложилось представление о том, что феномен диаспоры определяется набором неких характеристик. Исследователи пытаются по возможности полно, с их точки зрения, представить эти характеристики, набор которых доходит до шести или восьми. Часто подобного рода трактовки опираются на достижения зарубежной науки, например на предложенную У. Сафраном классификацию диаспор [5–8]. Это не попытка утвердить строгое правило, выявить стройный комплекс характеристик, на соответствие которым надлежит проверять сообщества, но сам факт такого подхода устанавливает меру соответствия, придавая многим исследованиям характер измерений. Появилось большое число публикаций, в которых авторы пытались ответить на вопрос: состоялось ли сообщество как диаспора, анализируя его на соответствие комплексу характеристик.

Такого рода подход, на наш взгляд, является тупиковым с точки зрения эвристических возможностей науки: подчеркивая общее, типическое в функционировании сообществ, называемых диаспорами, он упускает из вида специфическое, то, что не укладывается в систему общепринятых координат, не соответствует идеальной модели. Подчеркнем, что даже считающаяся хрестоматийной еврейская диаспора в разные эпохи в разных странах сильно отличалась и продолжает «отличаться друг от друга и по собственным характеристикам, и по положению в окружающем обществе» [9]. Кроме того, в современном мире диаспоральные сообщества постоянно меняются; по меткому выражению И.Д. Прохоровой, современные диаспоры напоминают «движущееся мишени», поскольку в условиях глобализации и возросшей мобильности людей приобретают все новые характеристики, например с распространением новых возможностей онлайн-коммуникации в сети Интернет и т.п.

Для нас важно подчеркнуть специфические обстоятельства функционирования этнических общин, поскольку в ходе увлеченного обсуждения теоретических проблем концепции диаспор и стремления придать термину универсальное содержание проявился скепсис в отношении конкретно-исторических публикаций по проблеме диаспор. Однако есть смысл подчеркнуть именно эту работу исследователей – конкретно-исторические исследования по диаспоральной проблематике, раскрытие темы на примере той или иной конкретной диаспоры, которая в этом случае подвергается эссенциализации, их сравнительно-исторический анализ.

Прав В.Д. Попков, который подчеркивает, что изучение всей диаспоры «весьма затруднительно», поэтому важнейшей задачей для исследователя как раз и является изучение той единицы диаспоры, которую можно «реально охватить и исследовать» [10], – общины диаспоры в ее региональных проявлениях. В таком варианте диаспороведения крайне важны подходы этнографии и антропологии, дисциплин, которые уже обладают опытом изучения локальных сообществ.

В этой связи для нас важна позиция известного исследователя диаспор К. Батлер, которая считает, что важно определять диаспору именно этнографически и развивать эпистемологию диаспороведения путем сравнительного анализа разных «этнографий» [11]. Такой подход позволяет определить ключевые понятия *diaspora studies*, исходя из анализа конкретных случаев и ситуаций.

В контексте интереса к проблеме диаспор начиная с 1990-х гг. широко зазвучала тема китайской «диаспоры»; количество публикаций по ней просто огромно. При этом слово «диаспора» по отношению к китайскому сообществу в России недаром написано в кавычках: специфичность китайского сообщества заставляет исследователей-профессионалов с осторожностью применять его по отношению к китайцам в России, пользоваться более нейтральными словами и выражениями – китайская миграция, китайское сообщество, китайское присутствие. Такой подход не случаен, существование китайского сообщества в качестве диаспоры в нашей стране, как представляется, возможно лишь в перспективе; в исторической ретроспективе, да и в настоящее время, это довольно специфический феномен. Задача предлагаемой работы – проанализировать на конкретно-историческом материале Приенисейской Сибири функционирование китайского сообщества в региональном контексте в первые годы советской власти, что предопределило изменение в положении китайского сообщества, а также соотнести феномен с теми смыслами и значениями, которые вкладываются в понятие диаспоры, стоят за этим термином; провести сравнительно-исторический анализ, используя материал как территории классического китайского присутствия – Дальнего Востока, так и близких сибирских территорий, например Томска и Томской губернии.

Источники

Важнейшими источниками для изучения истории китайской общины в Приенисейской Сибири являются архивные материалы, например документы Енисейского губотдела по делам национальностей, регистрационные листы, торговые патенты и др., статистические материалы, в том числе данные разнообразных переписей, материалы региональной прессы и т.д.

Как китайцев, так и всех других иностранцев советская власть пыталась поставить под свой пристальный контроль. Так, в январе 1920 г. Подотдел по делам иностранных подданных Енисейского ревкома должен был произвести учет всех иностранцев, проживающих в пределах Енисейской губернии, для замены просроченных видов на жительство [12. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 24. Л. 17]. Для получения соответствующих документов китайцы заполняли «Регистрационный листок иностранного подданного, проживающего на территории РСФСР» из 23 пунктов, касающихся данных о личности заполнявших документ. Безусловно, эти листки сегодня – важнейшие источники для характеристики китайских мигрантов. Отметим, правда, что часть пунктов в них осталась незаполненной как по причине

невозможности проверить биографию приехавшего китайца, так и потому, что приехавшие из деревни крестьяне имели простую биографию. Другими важными источниками для характеристики мигрантов являются разного рода удостоверения и справки, которые зачастую выполняли роль своеобразных паспортов, удостоверений личности для китайских мигрантов в 1920-е гг. Например, шаньдунец Го-шин-тян жил в Енисейской губернии по выданному в 1923 г. в Новониколаевске удостоверению Исполкома Союза китайских рабочих в Сибири [12. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 19. Л. 430]. Представление о составе китайской общины в Сибири можно составить также по документам на получение торговых патентов. Перечисленные источники позволяют исследователям всесторонне изучать конкретно-исторические обстоятельства функционирования китайской общины в Приенисейской Сибири.

Исследование

География расселения китайских мигрантов в Приенисейской Сибири была довольно обширной. Кроме самого города Красноярска китайцы проживали в Канске, Минусинске, Ачинске, Енисейске; сведения о них отмечены в селах Курагино, Ужур, в Мининской волости, в частности на территории Бирюсинского участка. Китайские рабочие жили и работали на приисках по всей губернии, включая Урянхайский край. Кроме того, они проживали на станциях и строительных участках железной дороги, например на станциях Бадаложная, Клюквенная, на дороге в районе станции Ужур. Подавляющее большинство китайцев в Приенисейской Сибири жили в городах. К категории сельского населения относились лишь около четверти китайских мигрантов.

Данные о численности сообщества китайских мигрантов в регионе всегда были довольно приближенными. Эта особенность статистики в отношении китайцев является характерной для регионов России в целом: и на Дальнем Востоке, и в соседней Западной Сибири исследователи говорят о примерных цифрах, причём их разброс может быть очень большим. Е.И. Нестерова справедливо отмечает, что причина кроется и в специфических условиях существования китайских общин, и в маятниковом характере миграции, и в несовершенстве методов учета китайских мигрантов [13, 14]. Сами китайцы часто пользовались тем, что казались русским на одно лицо: передавали или продавали друг другу документы, жили по чужим или поддельным паспортам.

В годы Гражданской войны численность китайцев в Приенисейской Сибири уменьшилась, но китайская община не исчезла. Переписью 1920 г. в Енисейской губернии было зафиксировано 223 китайца (все мужчины), данные повторялись в документах Енисейского губотдела по делам национальностей за 1922 г. [15. Ф. 1. Оп. 1. Д. 955. Л. 4]. Томский исследователь К.К. Клипка пишет, что в Томской губернии ситуация была иной, многие китайцы с началом революционных событий попытались вернуться на родину, но значительная их часть, по сути, «застряла» в Сибири, поэтому в Томске,

например, в этот период китайское население постоянно увеличивалось [14. С. 163]. Статистические данные подтверждают, что в Енисейской губернии китайцев в это время меньше, чем в соседних Иркутской (1 865 чел.), Томской (446 чел.) и Новониколаевской (261 чел.) губерниях [16. С. 61].

В то же время надо подчеркнуть, что данные о численности китайцев в Приенисейской Сибири противоречивы. Так, в справке этого же года «Сведения о наличии граждан, проживающих на Урале и в Сибири до Иркутска» указано, что в губернском центре – г. Красноярске – проживает 40 китайских рабочих, 200 неработающих китайцев, 100 китайцев-красноармейцев и еще 70 других китайцев. Согласно этому документу в Ачинске зафиксировано 120 китайских рабочих и 200 неработающих китайцев; в Канске – 200 неработающих китайцев, в Енисейске – 70 китайских рабочих [17. Ф. 495. Оп. 154. Д. 17. Л. 28]. С такими же противоречиями в официальной статистике мы сталкиваемся при анализе данных на середину 1920-х гг. Всесоюзная перепись 1926 г. в Сибирском крае, в состав которого входила территория бывшей Енисейской губернии, зафиксировала 1 409 советских китайцев и 2 151 гражданина Китайской республики. Больше всего советских китайцев проживало в Красноярском округе – 80 человек, но их число меньше, чем в других крупных городах Сибири – Иркутске, Томске, Новосибирске. Китайских граждан в Красноярске было зафиксировано 64 человека [18. С. 12]. В статистических справочниках, ссылавшихся на перепись населения 1926 г., для территории, вошедшей в Восточно-Сибирский край, указывались следующие цифры китайского присутствия: 8 064 китайца, или 0,31% всего населения края. В том числе по округам: Читинский – 4 473 (1,16%); Сретенский – 2 593 (1,27%); Иркутский – 505 (0,11%); Бурят-Монгольская АССР – 342 (0,07%); Красноярский – 80 (0,02%); Тулунский – 39 (0,02%); Канский – 30 [19. С. 14–15]. Таким образом, в Красноярске и в округах бывшей Енисейской губернии китайцев, как китайских, так и советских граждан, проживало немного, особенно в сравнении с соседними сибирскими и дальневосточными городами и округами. Так, описывая Владивосток, современники отмечали, что китайский компонент в городе доминировал. Экзотичность города заставляла воспринимать его как не совсем российский: русских жителей в нем совсем не было видно [14. С. 55–56]. В то же время отметим, что перепись 1926 г. учла далеко не всех китайцев в Сибири; подчеркнем еще раз, что точных данных о численности китайцев никогда не было ни по Приенисейской Сибири, ни по стране в целом.

Источники позволяют определить некоторые типические черты китайской общины в Приенисейской Сибири. Так, она состояла главным образом из холостых мужчин. Согласно данным переписи 1926 г. на 1 360 советских китайцев-мужчин приходилось всего 49 советских китайенок, а на 2 129 зарубежных китайцев имелось лишь 22 соотечественницы [18. С. 12]. Но даже из этого незначительного числа «китайенок» почти половина указали русский язык в качестве родного, вероятнее всего, к категории «китайенок» при переписи

причислили русских жен китайских мигрантов. Возраст китайцев, отмеченных в документах, поданных в конце 1921 г. с целью получения торговых патентов, составлял от 24 до 64 лет. Важным для нас является указание на то, что локальная община воспроизводилась исключительно за счет интенсивной миграции. Рассмотрим места выхода мигрантов. Примерно половина китайцев в Приенисейской Сибири в начале 1920-х гг. в анкетах указали в качестве места своего рождения город Чифу (современный Яньтай) провинции Шаньдун. Ближе к середине 1920-х гг. увеличивается доля выходцев из провинции Чжили (Хэбэй), лишь немногие китайцы в качестве места рождения указали Пекин, Тяньцзинь или Шанхай. В Красноярск они попадали главным образом через Маньчжурию и Иркутск, редко прибывали из Тувы или из Монголии. Вполне вероятно, что Красноярск привлекал новых мигрантов из одних и тех же мест по причине укоренения в китайской среде традиций землячества, формированию которых способствовали разнообразие диалектов, региональных различий в бытовой культуре, групповая солидарность и взаимопомощь земляков в самом Китае.

Довольно часто китайцы останавливались в Сибири (будь то Красноярск или Томск) в рамках внутри-русской миграции, отправляясь как с востока на запад, так и с запада на восток. Неудивительно поэтому, что в документах 1920-х гг. можно встретить разделение китайцев на «оседлых» и «бродячих» [20. С. 91]. Пути миграций могли быть различными, а вот поводом для переезда чаще всего служили поиски работы, надежды на более благоприятную ситуацию на новом месте жительства. Все перечисленные обстоятельства предопределили текучий состав группы китайских мигрантов в Приенисейской Сибири.

В Красноярске китайцы жили компактно на окраине города в районе р. Кача и железной дороги. Зачастую по одному адресу были зарегистрированы 2–5 человек, но, поскольку регистрировались далеко не все, вполне вероятно, что большая часть незарегистрированных китайцев проживала по тем же адресам. Подобная ситуация складывалась и в других городах края, например в Канске. Однако своеобразной китайской слободы, обособленного китайского анклава, как, скажем, во Владивостоке или Хабаровске, в Красноярске не сложилось, вероятно, из-за малочисленности и непостоянного состава общины. В годы Первой мировой войны после отмены ограничений на использование китайского труда увеличился поток трудовых мигрантов из Китая в Сибирь; исследователи именно в это время в некоторых городах (например, в Томске) отмечают стремление китайцев группироваться, селиться вблизи друг друга. Как представляется, связано это было и с общим увеличением числа китайцев в сибирских городах, и с настороженностью коренных жителей, видевших в китайцах разведчиков и диверсантов, агентов немецкой пропаганды [21]. Однако такие районы компактного проживания китайцев в сибирских городах не идут ни в какое сравнение с китайскими слободами дальневосточных городов – Владивостока, Хабаровска, Никольска-Уссурийского.

В большинстве своем китайцы в Приенисейской Сибири занимались торговлей, причем с началом НЭПа не только китайцы-торговцы, но и бывшие чернорабочие, а также их русские жены более активно стали осваивать предпринимательство и торговлю. Важным занятием мелких китайских предпринимателей становится изготовление папирос и торговля ими. Многие китайцы имели постоянную мелочную торговлю бакалейными товарами на Ново-Базарной площади Красноярска. Так, в январе 1922 г. патент на торговлю табачными изделиями в городе Красноярске получили 12 китайцев, шесть китайских жен и одна вдова [12. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 197]. Среди них были как лица, за которыми не было признано иностранного подданства, так и китайские подданные. Подчеркнем при этом, что в Красноярске по документам не просматривается какой-либо клановости мелких предпринимателей и торговцев, в частности торговые заведения открываются по разным адресам. С течением времени торговля становится главным видом деятельности для проживающих в регионе китайцев, особенно городских. Например, Тан Ванъи приехал в Красноярск в 1917 г. на заработки и работал здесь в качестве рабочего, но в 1924 г. в Минусинске он получил патент на мелочную торговлю 2-го разряда, указав в качестве профессии и социального происхождения торговлю. В документах, поданных в конце 1921 г. с целью получения торговых патентов, китайцы в подавляющем большинстве отметили, что приехали в Красноярск в качестве чернорабочих, но с течением времени основным видом деятельности для них становится торговля. Это обстоятельство подтверждают, например, справки, выданные Союзом китайских рабочих г. Красноярска в 1920-е гг. Хотя в уставе организации говорилось, что «в члены союза принимаются только трудящиеся (живущие личным трудом), рабочие фабрик и заводов, ремесленных предприятий, и также учащиеся», сохранившиеся в архивах справки от союза рабочих выданы исключительно торговцам.

Рассмотрим характер торговой деятельности китайцев. В первую очередь это сбыт товаров из Китая. Далее, сбыт изделий своего изготовления (например, папирос); занимались китайцы также посреднической торговлей. Тот же Тан Ванъи привозил из Минусинска в Красноярск шубы. Красноярская пресса отмечала сложные условия труда китайских мигрантов: «В папиросной Ян-Си-Кю работают 3 человека в полуподвальном помещении – грязном, с недостаточным дневным светом. Предложено переменить помещение для мастерских на более подходящее» [22. 1923. 12 янв.]. Однако, подчеркнув данную тенденцию, отметим, что далеко не все китайцы в Енисейской губернии в годы НЭПа перешли в сферу торговли. Китайские рабочие встречались на строительстве Ачинск-Минусинской железной дороги, жили и работали на Знаменском стеклозаводе и на Черногорских каменноугольных копях, продолжая дореволюционную традицию. Например, на руднике «Богомдарованный» работали 350 китайцев. На Черногорских копях китайцы и корейцы составляли 33,2% рабочих, на Ольховских золотых приисках тоже около трети рабочих, т.е. более

ста человек, составляли китайцы [23. С. 482]. Среди проживавших в Приенисейской Сибири китайцев были представители и других занятий: повара, артисты, печники, слесари, столяры, кожевники, пимокаты, машинисты, прачки, матросы, лекари и др. Так, например, по временному удостоверению от Омского Губадмтдела в Енисейской губернии работал приехавший из Шаньдуна сапожный мастер Кэ-Вей-Чи [12. Ф. Р.-49. Оп. 3. Д. 87. Л. 45]. Все перечисленные занятия довольно типичны для китайцев в других сибирских городах и регионах; в том же Томске, например, они торговали, содержали прачечные, часовые, швейные и обувные мастерские, занимались изготовлением и продажей папирос, искусственных цветов; отмечались случаи торговли вразнос по домам [14].

В среде китайских рабочих в 1920-е гг. в Приенисейской Сибири лишь немногие имели постоянное место работы и, соответственно, стабильный заработок, что сказывалось на материальном положении. Так, китаец Шан-Гуя перечислял: «...последнее время работал: с 1 января 1922 года по 24 ноября 1924 года на складе топлива ст. Купино. С сентября 1924 года по июнь 1925 года находился на заготовке дров для стеклозавода 13 борцов. И с 20 июня по 31 октября 1925 года состоял на работах Ач.-Минусинской ж.д. в качестве чернорабочего» [12. Ф. Р.-49. Оп. 3. Д. 90. Л. 259]. В милицеском акте за 1925 г. отмечалось: «...у гражданина Ван-Лень-юй имущества никакого нет, кроме бедного носильного платья» [Там же. Д. 87. Л. 55]. Об этом же говорит выданное «Удостоверение»: «Выдано настоящее гражданам Тянь-шин, Фан-гуй-тянь и Чи-ю-мин... в том, что согласно актам обследования их имущественного положения и основываясь на ряде свидетельских показаний видно, что указанные выше граждане никакого имущественного положения не имеют, в данный момент находятся в критическом положении на почве продолжительной безработицы» [Там же. Д. 105. Л. 5]. В сопроводительных документах к заявлению проживавшего в Минусинске китайца Лю-Чун-Сан с просьбой о переходе в российское гражданство также отмечается его крайняя бедность: нет никакого имущества, кроме старой одежды [Там же. Д. 87. Л. 159]. Неприятельность, неприхотливость, низкий уровень потребностей китайцев в России подчеркивают все исследователи, но в данном случае речь идет о настоящей нищете.

Отметим другие характеристики общины китайских мигрантов в Приенисейской Сибири. Почти все китайцы были выходцами из крестьянских семей. Согласно анкетам и регистрационным листкам почти все они были неграмотными, включая торговцев. Материалы переписи 1926 г. зафиксировали в Сибири в качестве грамотных всего 497 мужчин и 6 женщин из числа китайских мигрантов, в том числе по-китайски – 427 мужчин и 1 женщину [18. С. 12]. Большая часть китайцев, проживавших в Енисейской губернии, по документам были холостые, некоторые указывали, что имеют семью в Китае. Однако начиная с начала XX в. растет число случаев вступления в брак китайцев с русскими женщинами. В Красноярске в это время лишь у одного китайца Лю Кинхай жена была не из

России. Детей в смешанных браках обычно было по двое, что значительно меньше, чем в русских семьях. Тенденция увеличения смешанных браков, как представляется, была связана с убылью коренного мужского населения в ходе Первой мировой и Гражданской войн. Неудивительно, что браки с русскими женщинами заключались как раз в период Гражданской войны. Иногда женитьба на русской женщине была одной из главных причин для принятия китайцами православия, но большинство женатых китайцев в документах указывали себя буддистами или конфуцианцами. Православных китайцев по документам среди жителей региона удалось обнаружить около 10 человек.

Важнейшим обстоятельством существования китайского сообщества в Сибири было то, что здесь, как и в России в целом, китайцы представляли себя только в качестве временных рабочих. Практически никто из китайских мигрантов, приехавших на заработки, не собирався оставаться здесь надолго. Большинство китайских мигрантов Сибирь не нравилась ни в природно-климатическом, ни в социально-бытовом отношении. Разность культур и социально-экономические реалии эпохи не способствовали сближению двух народов. В этот период почти все китайцы сохраняли надежду на возвращение в Китай и не стремились ни оформить и структурировать свое сообщество в России, ни раствориться в русской среде. В России, в том числе в Приенисейской Сибири, они воспроизводили традиционный уклад жизни, существовали обособленно в качестве своеобразного анклава иной культурной традиции, сознательно противостояли влиянию принимающей стороны. Показательно, что китайцы не стремились принять российское гражданство даже в очень сложных для себя жизненных обстоятельствах. В архивных материалах Енисейской губернии почти нет документов, зафиксировавших желание какого-нибудь китайца принять российское гражданство, даже среди тех, кто уже был женат на русских и имел детей от русских женщин. Более того, русские жены китайцев числились китайскими поданными. Так, из 211 иностранцев, подавших до 23 мая 1924 г. заявление о переходе в российское гражданство, в Енисейской губернии было только два китайца – Ван Ин Лин и Ван-Чао-Лин. Согласно данным Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран 1925 г., «все китайцы Сибири, как оседлые, так рабочие и бродячие, являются подданными Китая» [20. С. 91]. (В действительности некоторые китайские мигранты все же приняли советское гражданство, но их было очень немного.)

Отметим при этом, что в силу объективных причин в регионе не всегда реализовывались общероссийские тенденции. Например, известно, что в годы Гражданской войны основная масса китайцев покинула территорию России. Однако в Приенисейском крае численность их уменьшилась не столь значительно. На этот факт, как уже говорилось, указывают и томские исследователи в отношении Томской губернии и самого г. Томска [14. С. 163]. Данное обстоятельство было связано с удаленностью сибирских регионов от основных событий Гражданской войны, а также с тем, что

здесь скапливались массы китайцев, эвакуируемых из Европейской России. Проблема вывоза китайских рабочих из России стала одной из самых сложных в русско-китайских отношениях после революций 1917 г. Через Сибирь шли эшелоны с десятками тысяч китайских рабочих и членов их семей из Европейской России и Урала. Но в 1918 г. железная дорога на забайкальском участке границы была разрушена, уже в марте три эшелона с китайцами застряли на ст. Даурия. Известия об этом оказывали влияние на безусловное желание китайцев покинуть Россию и Сибирь, в частности приходилось корректировать свои планы возвращения на родину. С утверждением большевиков в Сибири число китайцев, пожелавших вернуться на родину, увеличилось. Но важным фактором, тормозившим обратный миграционный поток из Приенисейской Сибири, была чрезвычайная бедность китайцев, они попросту не имели достаточных средств, чтобы выехать на родину, кроме того, многие из них уже в пути потеряли свои сбережения при обысках [17. Ф. 495. Оп. 154. Д. 44. Л. 159]. При наличии достаточных средств китайцы всегда стремились вернуться на родину даже из отдаленных от границы районов. Например, приехавший в Забайкалье в 1914 г. из Шаньдуна чернорабочий Чжан-Зын-Лу по прибытии в 1924 г. в Красноярск на вопрос в анкете, «желаете ли уехать из РСФСР», отвечал: «Когда будут деньги, поеду». В 1926 г. он действительно выехал из Сибири на родину [12. Ф. Р.-49. Оп. 2. Д. 52]. Таким образом, подавляющее большинство китайцев в СССР оставались гражданами Китая и не связывали свое будущее с Россией.

Ситуацию нестабильности, безнадёжного настоящего и неясного будущего в китайской среде усугубляли реквизиции, от которых страдали в первую очередь торговцы. Центральные российские власти старались по возможности сохранять китайскую торговлю, но местные власти эти распоряжения не выполняли, а с восстановлением советской власти в Сибири реквизиции были возобновлены и расширены, поскольку политика «военного коммунизма» предполагала прямые конфискации товаров и имущества. Существовали специальные предписания Уполномоченного РСФСР по иностранным делам в Сибири и на Дальнем Востоке производить реквизиции «с присутствием представителей Китайского консульства» [24. Ф. Р.-42. Оп. 1. Д. 304. Л. 20], но они не обеспечивали порядка в процедуре реквизиций. Политическая и экономическая нестабильность создавала условия для противоречий и конфликтов. Уже в 1920 г. встал вопрос о компенсации китайским торговцам за реквизиции: Сибирь нуждалась и в китайских товарах, и в китайских торговцах. Не случайно власть весной 1920 г. распорядилась проводить обыски, осмотры и реквизиции у китайских граждан «только при наличии данных об умышленной спекуляции товарами и деньгами...» [12. Ф. Р.-53. Оп. 1. Д. 2. Л. 129].

Положение китайских граждан усугублялось тяжестью репрессий, которые обрушились на них уже в начале 1920-х. Так, в апреле 1920 г. Ачинским ЧК был арестован китаец Юй-фа, потом он был осужден на один год, отправлен в Красноярский концлагерь и стал

первым китайским заключенным этого концлагеря [Там же. Ф. Р.-1743. Оп. 1. Д. 813]. В августе 1920 г. повар Красноярского единого рабоче-крестьянского потребительного общества «Самодетельность» Лю-шу-ха Владимир Александрович (Добровольский Иван Александрович) был обвинен в скупке колчаковских денег и посажен на один год в концлагерь по обвинению в агитации против советской власти [Там же. Д. 714. Л. 1]. Однако большинство китайцев пострадали в силу отказа от работы и нарушений трудовой дисциплины. Отягчающим обстоятельством становился факт работы предприятия на армию, отказ от работы расценивался как «трудовое дезертирство». Нарушителей заключали в концлагерь, но ежедневно под конвоем отправляли на работу, после работы возвращали обратно в лагерь. Довольно часто китайцев отправляли на самые грязные, например, ассенизационные работы [Там же. Д. 219. Л. 1]. В Первом красноярском концлагере за время его существования (1920–1922) побывали около ста китайцев, что составило более трети официально учтенных в Енисейской губернии китайских мигрантов. Даже с учетом привезенных в концлагерь заключенных из других районов Забайкалья, Прибайкалья и Европейской России, это довольно высокий процент. Лишенные свободы китайцы часто не знали, за что они наказаны, некоторые попросту бежали из лагеря.

Обособленность своей жизни и свой параллельный мир китайцы в Приенисейской Сибири смогли сохранить даже в бурные годы революции и Гражданской войны. Их община в Енисейской губернии вообще не приняла заметного участия в событиях революции и Гражданской войны. Лишь изредка китайские имена встречаются в числе тех, кто служил или работал у красных. Например, в списке команды парохода «Иртыш», сопровождавшей членов Егубисполкома Советов в низовья Енисея в 1918 г., числился кочегар Тигусуй-сян [Там же. Ф. Р.-1763. Оп. 1. Д. 68]. В составе подразделений белой армии китайских формирований в регионе не было. Но отдельные китайцы, военнопленные колчаковцы или бывшие семеновцы, встречались среди заключенных в Первом красноярском концлагере [Там же. Ф. Р.-1743. Оп. 1. Д. 177]. Для Востока России это, скорее, исключение, поскольку на Дальнем Востоке и в Забайкалье китайцы служили как в войсках атамана Г.М. Семенова, так и в составе китайско-корейского батальона 5-ой армии. Так, например, в политотделе этой армии заместителем Я. Гашека был китаец Чжан Чжэнхай. На Восточном фронте воевал Отдельный (Образцовый) Китайский полк в составе 1-й Интернациональной коммунистической дивизии. В Иркутске в 1920 г. была сформирована 3-я Сибирская стрелковая дивизия, начальником которой стал красный командир А.Н. Сунфу, сын китайского мигранта и воспитанник Петроградского университета. В ее составе были китайцы из Екатеринбурга, Омска, Новониколаевска, Тюмени. Осуществляя набор в Красноярске, Сунфу отмечал, что среди китайцев почти нет боеспособных солдат. Напротив, те, кто желают поступить в Красную Армию, «...представляют из себя негодный и даже вредный элемент... Здесь и спекулянты, и морфинисты, опиисты... и прочие подонки и

отбросы контрреволюционного элемента...» По мнению Сунфу, сознательных коммунистов среди китайцев практически нет: «Идейных же и тех, коим мог бы я оказать доверие, – это два-три человека» [17. Ф. 495. Оп. 154. Д. 44. Л. 6–8]. В последующем китайские части были расформированы, сами же немногочисленные китайцы, вовлеченные политическим водоворотом в события российской революции и гражданской войны, остались служить в Красной Армии или в карательно-правоохранительных органах советской власти.

Отношение власти к проблеме специфичности китайских сообществ после революции претерпело определенную эволюцию. Вначале новой властью была воспринята идея «китайского самоуправления». Главным инструментом и организационной структурой, через которую большевики намеривались оказывать влияние и управлять китайской массой в России, в том числе в Сибири, был созданный в Петрограде в 1918 г. Союз китайских рабочих (СКР). Он должен был стать учреждением, представляющим интересы китайских граждан в России, ему были предоставлены широкие права юридической защиты китайцев [Там же. Д. 48. Л. 24]. С восстановлением советской власти в Сибири во всех крупных городах стали учреждаться отделения СКР. В параграфе 1 «Устава Союза китайских рабочих г. Красноярска», который был утвержден в феврале 1925 г., говорилось: «Союз Китайских рабочих в г. Красноярске организуется в целях сплочения и защиты и оказания китайским рабочим поддержки в отношении их законных прав и интересов в Советской России и для содействия в нравственном и культурном развитии своих членов» [12. Ф. Р.-49. Оп. 1. Д. 22. Л. 8]. Очевидно, что эта организация не только была призвана выполнять функции учета и защиты интересов китайцев, проживающих в России, но и должна была вовлечь обособленно существовавшую китайскую общину в советскую систему. Однако вовлечь существующих в параллельном мире китайцев с их устоявшимся стилем жизни в строительство нового общества не получалось, несмотря на все усилия советской власти. В Красноярске вообще не было отмечено случаев активного участия китайцев в партийно-политической работе. Например, в июне 1920 г. Енисейский губком принял решение открыть кратковременные курсы подготовки к советской и партийной работе. На курсы направлялись и представители китайской группы. Но возникла проблема: в Енисейской губернии не имелось ответственных руководителей, владевших восточными языками. Документы сохранили имена лишь двух китайцев, состоявших в РКП(б) в Красноярске. В феврале 1921 г. не получилось отправить представителей китайской общины Красноярска для обучения в Московский восточный институт, поскольку кандидатур не было вообще. Кстати, в инструкции по поводу отбора кандидатов высказывались опасения, что китайцы могут воспользоваться возможностью поехать в Москву не для повышения партийно-политического уровня, а «в корыстных и спекулятивных целях» [Там же. Ф. Р.-1. Оп. 1. Д. 176. Л. 1]. Реализовать поставленные политические и государственные задачи по вовлечению китайцев в строительство новой жизни

через структуры СКР не удалось; не удивительно, что впоследствии Союз был обвинен в том, что власть в нем «захватили контрреволюционеры, истребившие коммунистов». Партийным органам рекомендовалось отказать в поддержке Союзу [25. С. 108].

С упрочением советской власти в 1920-х гг. центральные и местные органы решили отказаться от прежней традиции опоры на «китайское самоуправление» и взять под свой контроль существующие независимо китайские общины. Ставилась новая задача – «вовлечь китайских рабочих в советские профсоюзы». Функции надзора за китайцами были переданы советским государственным и профсоюзным органам. «Союз китайских рабочих в СССР» к середине 1920-х гг. прекратил свою деятельность. Некоторые его функции взяло на себя созданное в сентябре 1924 г. общество «Руки прочь от Китая!», которое оказывало содействие советским китайцам в проведении политической и культурно-просветительной работы, осуществляло материальное и техническое обеспечение издания в Москве китайской газеты «Вперед». В 1927 г. был образован особый институт восточных инспекторов труда в Благовещенске, Владивостоке, Чите. Власти старались следить за соблюдением прав китайских рабочих, санитарных норм труда и проживания.

Несмотря на то, что подавляющее большинство китайцев в России оставались гражданами Китая, руководство СССР уделяло им большое внимание, поскольку жившие среди русского населения рабочие и торговцы по-прежнему очень мало были связаны с местной культурой и властью. Китайских мигрантов стали привлекать к обучению в губернских совпартшколах, отмечая, что работать с ними трудно: «...нет работников, знающих китайский язык, а русский язык не понимают китайцы» [22. 1925. 6 окт.]. Подобная ситуация серьезно ограничивала возможности партийно-советской работы среди китайцев, вовлечения их в советское строительство.

Внимание к партийно-политической работе среди китайцев усилилось после «переворота Чан Кайши» и фактического разрыва между правительствами двух стран. Советская власть стала проводить политико-пропагандистскую работу среди китайских рабочих с целью помочь «нарастанию революции в Китае». Однако, несмотря на возросшие усилия власти, китайцев-коммунистов в сибирских городах по-прежнему почти не было. Представители китайской общины продолжали вести замкнутый образ жизни, дистанцируясь от российских политических реалий. Практически все китайцы в анкетах отмечали, что не состоят ни в каких партиях, профсоюзах или общественных организациях. О том, что китайские рабочие сторонились профсоюзов в 1920-е гг., пишет исследователь О.В. Залеская, анализируя ситуацию на Дальнем Востоке: «Вступление китайских рабочих в профсоюзы шло медленно» [26]. Среди сотен документов, касающихся китайцев Енисейской губернии, лишь один китаец, и то в графе «национальность», в 1925 г. написал «партейный». Интересно в этом плане личное дело китаец А.П. Сыюн-гау. Он написал в 1924 г. в Минусинский уком РКП(б), что желает завязать связь с китайской секцией

Сиббюро ЦК РКП(б) и получать литературу на китайском языке. Но в протоколе Бюро Минукома РКП(б) от 6 мая 1925 г. отмечалось: «На принятого в кандидаты РКП(б) рабочего Артемовского рудника Сы-Юн-Гау пришла карточка, но Сы-Юн-Гау на руднике не оказало, он оттуда выехал в Минусинск спекулировать. По наведенным справкам он не состоит на учете ни в одной ячейке, ни в милиции» [12. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 3753. Л. 3, 13]. Целью вступления в партию для большинства китайцев, очевидно, было повышение своего социального статуса и, возможно, экономического положения в новых условиях. Вероятно, это могло рассматриваться в качестве средства для возвращения на родину. Когда данная цель не достигалась, китайцы порывали с партийными организациями.

Таким образом, китайцы в Приенисейской Сибири играли незначительную роль в политической жизни региона на ее переломном этапе. Китайцам были чужды политические события в России, и если некоторая часть этой общины проявила активность, то лишь с целью собственного выживания.

Заключение

Подчеркнем сложность изучения всего многообразия китайского присутствия в России, что делает актуальной и результативной задачу анализа жизнедеятельности общин китайских мигрантов в ее региональных вариантах. Это утверждение тем более справедливо по отношению к китайским общинам в России, поскольку каждая из них демонстрирует собственный специфический опыт существования в новой для себя среде, и опыт китайцев в российском Владивостоке отличен от опыта общины в Красноярске или Томске. В то же время они являются фрагментами сети разветвленной китайской коммуникации в России. Контакты между разными китайскими общинами очень активны, но этот факт в нашем случае лишь подчеркивает текучесть группы китайских мигрантов в Приенисейской Сибири и значимость ее воспроизводства через внешнюю и внутреннюю миграцию.

Основу китайских общин, безусловно, составляют этническая идентичность их членов, преобладание общих видов деятельности, таких как предпринимательство и торговля. Однако этих признаков явно недостаточно, чтобы превратить общину китайцев в России в общину диаспоры. Ведь наряду с перечисленными существуют и другие факторы – прочность связей с родиной, огромная культурная дистанция между китайской общиной и принимающим сообществом, жизнестойкость китайского традиционного уклада жизни, социальных связей разного характера. Из проживающих в конце 1910-х – 1920-е гг. в Красноярске китайцев практически никто не связывает свое будущее с Россией, напротив, они стремятся вернуться на родину, и лишь отсутствие средств и возможностей в условиях бурных потрясений в России не дает возможности это сделать. Все исследователи подчеркивают эту отличительную особенность китайской идентичности, проявляющуюся «в силе кровного родства, привязан-

ности каждого нового поколения к месту рождения предков, рода» [27. С. 117].

Характерной чертой китайской общины является ее замкнутость, существование как бы в параллельном мире, в рамках большой дистанции от принимающего сообщества. Отсутствие естественного воспроизводства общины (дети появляются в основном в смешанных браках) подчеркивает тот факт, что китайцы не собираются здесь укореняться. Община воспроизводится только за счет миграций. В их сообществе в Красноярске не удалось выявить ядра и институциональных учреждений, по крайней мере по архивным документам нет возможности подтвердить их существование.

В то же время это не означает, что нет институциональных связей вообще, напротив, многие из них неформального характера были перенесены из Китая на российскую почву. Об организованной китайской преступности в Приенисейской Сибири, которая в нашем случае выступает ярким примером институциональных связей неформального характера, рассказывают уникальные документы Минусинского городского архива [28. Ф. 369. Оп. 1. Д. 9]. В них речь идет о появлении в регионе хорошо вооруженной дерзкой банды китайцев; в Красноярске в 1925 г. она отметилась несколькими убийствами. Был убит в том числе помогавший в раскрытии преступлений переводчик-китаец, работавший при Красноярском губотделе ОГПУ. Преступная сеть промышляла вымогательствами, разбоями, убийствами не только в губернском центре, но и в Минусинске, Абакане, Каратузе. Район деятельности китайской банды включал в себя и соседние с Приенисейским краем регионы. Милиции было известно, что бандиты укрывались в Иркутске, задержания проводились также в Томской губернии на станциях Тайга и Болотная. Раскрыть преступную сеть было довольно сложно, поскольку террор со стороны китайской преступности лишил правоохранительные органы агентуры в китайской среде. Так, вслед за китайским переводчиком был убит еще один китаец как раз за то, что допрашивался следователем в качестве свидетеля [Там же. Л. 39 об.]. Китайские преступники имели возможность использовать в своих интересах то обстоятельство, что для большинства русских они «все были на одно лицо». Например, в архиве сохранились донесения китайских агентов, в которых описывались случаи обмена документами между китайскими преступниками, бегства из тюрьмы по чужим документам; преступники «подменяли» сидящих в тюрьме соотечественников своими же согражданами и т.д. В ходе следствия выяснилось, что банда была пронизана тесными связями практически со всей китайской общиной: очень часто было не ясно, кого считать преступниками, а кого – потерпевшими. Банда была ликвидирована только в 1926 г. В «Выписке из агентурного дела № 76/А-1925 г. о китайской уголовной банде, оперирующей по Сибири» от 25 февраля 1926 г. были перечислены 14 убитых китайцев и 20 китайцев названы убийцами или подозреваемыми в убийстве. Получалось, что численность китайских бандитов вместе с их жертвами составляла почти половину от общей чис-

ленности формально учтенных китайских мигрантов в регионе. Для нас важно, что преступная группа стала механизмом взаимодействия членов китайской общины. Эта история организованной китайской преступности в Приенисейской Сибири подтверждает вывод исследователей о существовании в китайской среде практически всегда неформальной институализации [29. С. 116], причем в нашем случае не профессионального (по виду деятельности) или земляческого (по региону выхода в Китае), а преступного характера.

Мы рассмотрели на конкретном историческом материале особенности функционирования китайской общины в рамках одного региона – Приенисейской Сибири – в конце 1910-х – 1920-е гг. Наши выводы касаются части группы, ограниченной регионом расселения, и подтверждают гетерогенность китайских общин в России. Китайцы в Сибири не всегда воспроизводят поведение в классическом очаге китайского присутствия – на Дальнем Востоке. В то же время, являясь специфическим феноменом в рамках общероссийских реалий, отличаясь по регионам, китайские общины вполне могут быть типологизированы, например, с точки зрения перспектив своего существования в России. Китайцы в Сибири демонстриру-

ют противоречивое сочетание разных стратегий временного приспособления к новым условиям проживания. Они поддерживают свой образ, стиль жизни и традиции в другом окружении, но в то же время подстраиваются под новые для них условия жизни, не конфликтуя там, где нет необходимости и где чувствуют силу власти. Существование преступной группы в нашем случае – это способ коммуникации внутри общины, один из элементов традиционного уклада и социальных отношений. Важным моментом характеристики общины является характер ее связей с общественными движениями, партиями и властью. Китайская община в Приенисейской Сибири не проявила желания участвовать в политической жизни региона и оказывать влияние на его властные структуры. Таким образом, внимательный анализ конкретно-исторических обстоятельств функционирования китайской общины в Приенисейской Сибири не позволяет описывать ее в категориях диаспоры и говорить об общине диаспоры. Сегодня китайцы существуют в регионе в других условиях и демонстрируют иные жизненные стратегии, результатом которых вполне может стать формирование диаспоры, но это предмет другого исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. 1996. № 12. С. 33–42.
2. Арутюнов С.А. Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. М., 2000. № 2. С. 74–78.
3. Попков В.Д. «Классические» диаспоры: к вопросу о дефиниции термина // Диаспоры. М., 2002. № 1. С. 6–22.
4. Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. : сб. ст. / под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. М., 2001. С. 9–44.
5. Сафран У. Сравнительный анализ диаспор. Размышления о книге Робина Козна «Мировые диаспоры» // Диаспоры. 2004. № 4. С. 138–139.
6. Теория диаспор глазами отцов-основателей : интервью с Уильямом Сафраном, Робинем Козном и Йосси Шаинем // Новое литературное обозрение. 2014. № 127. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/5149> (дата обращения: 01.08.2017).
7. Кондратьева Т.С. Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия // Перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/book/diaspory_v_sovremennom_mire_evolyucija_javlenija_i_ponatija_2010-02-27.htm (дата обращения: 08.08.2017).
8. Попков В.Д. Некоторые основания для типологии диаспор. URL: <http://lib.socio.msu.ru/library?e=d-000-00---0kongress> (дата обращения: 02.08.2017).
9. Арутюнов С.А., Козлов С.Я. Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс // Независимая газета. 2005. 23 нояб.
10. Попков В.Д. Диаспоральная община – модель отношений этнических мигрантов с принимающим сообществом // Новое литературное обозрение. 2014. № 127. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/5149> (дата обращения: 01.08.2017).
11. Третьяков В. Конец диаспор (обзор журнала «Diaspora: a Journal of Transnational Studies») // Новое литературное обозрение. 2014. № 127. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/5150>. (дата обращения: 03.08.2017).
12. Государственный архив Красноярского края (ГАКК).
13. Нестерова Е.И. Атлантида городского масштаба: китайские кварталы в дальневосточных городах (конец XIX – начало XX в.) // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 44–57.
14. Клипка К.К. Китайцы в Томске в XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 6 (26). С. 158–164.
15. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО).
16. Годовые итоги на хозяйственно-политическом фронте Сибири 1922–1923 г. Новониколаевск : Сибревком, 1923. 572 с.
17. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
18. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М. : ЦСУ СССР, 1928. Т. VI, отд. 1. 389 с.
19. Восточно-Сибирский край. Плановая комиссия. Статистический сектор. Районы Восточно-Сибирского края в цифрах. Иркутск : Изд. Крайгиза, 1930. 122 с.
20. Объяснительная записка к этнографической карте Сибири. Л. : АН СССР, 1929. 104 с. (Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран, № 17).
21. Дацышен В.Г. Китайцы в Сибири и на Дальнем Востоке // Сибирская историческая энциклопедия. URL: <http://bsk.nios.ru/enciklodediya/kitaucy-v-sibiri-i-na-dalnem-vostoke> (дата обращения: 09.08.2017).
22. Красноярский рабочий : газета.
23. История Хакасии. М. : Восточная литература, 1993.
24. Государственный архив Иркутской области (ГАИО).
25. Азаренко Ю.А. События на КВЖД и сибирские коммунисты // Проблемы истории местного управления Сибири XVII–XVIII вв. : материалы науч. конф. Новосибирск, 1997. Вып. II. С. 103–112.
26. Залеская О.В. Интеграция китайских трудящихся в социально-экономическую жизнь Дальнего Востока России (1920–1930-е гг.) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 4. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12981593> (дата обращения: 03.08.2017).
27. Гельбрас В. Китайские землячества в российских регионах // Диаспора. 2001. № 2–3. С. 113–125.
28. Архив города Минусинска (АГМ).
29. Интеграция экономических мигрантов в регионах России. Формальные и неформальные практики / науч. ред. Н.П. Рыжова. Иркутск : Отгис, 2009. 262 с.

Vladimir G. Datsyshen, Siberian Federal University, Institute of Humanities (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: dazishen@mail.ru
 Larisa A. Kutilova, Siberian Federal University, Institute of Humanities (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: kutiloval@rambler.ru

CHINESE IN PRIENISEYSKYA (ENISEY-SIDE) SIBERIA IN THE LATE 1910s – 1920s: THE STUDY OF THE REGIONAL VERSION OF THE MIGRANT COMMUNITY AND CLARIFICATION OF CONCEPTUAL NOTIONS

Key words: Prieniseyskaya (Enisey-side), Chinese migrants, a regional version of the migrant community, the concept of diasporas.

The research emphasizes the complexity of studying the diversity of Chinese presence in Russia, which makes the task of analyzing the livelihoods of communities of Chinese migrants in its regional options relevant and effective. Proceeding from this, the task is to analyze the specific circumstances of the functioning of the Chinese migrant community in the Yenisei Siberia in the late 1910s-1920s; to correlate the research results with those meanings and imports that are embedded in the concept of the diaspora, to answer the question of how applicable it is in this case. Sources for the work were archival materials, often first introduced into scientific circulation, for example, registration sheets, trade patents, documents on Chinese organized crime, statistical materials, regional press materials, etc. The authors have come to the conclusion that the regional community of Chinese migrants in Yenisei Siberia demonstrates its own specific experience of living in a new Russian environment. At the same time, it is a fragment of an extensive network of Chinese communications in Russia. The following characteristics were singled out and analyzed: fluidity of the group composition, reproduction through external and internal migration, prevalence of general activities such as entrepreneurship and trade. In addition, were noted: isolation of the community, strength of ties with the homeland, cultural distance with the host community, vitality of the Chinese traditional way of life, existence of informal institutionalization in the Chinese environment, and not the professional (by type of activity) or the national (by region of origin in China) but of a criminal nature. Among those living in the late 1910s and 1920s in Krasnoyarsk, almost no one connected their future with Russia, on the contrary, they were eager to return to their homeland, and only the lack of resources and opportunities in the conditions of turbulent upheavals in Russia did not allow this to happen. The authors concluded that the analysis of the specific historical circumstances of the functioning of the Chinese community in Yenisei Siberia does not allow to describe it in diaspora categories and to talk about the community of the diaspora.

REFERENCES

1. Toshchenko, Zh.T. & Chaptkyova, T.I. (1996) Diaspora kak ob"ekt sotsiologicheskogo issledovaniya [Diaspora as an object of sociological research]. *Sotsis – Sociological Studies*. 12. pp. 33–42.
2. Arutyunov, S.A. (2000) Diaspora – eto protsess [Diaspora is a process]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 2. pp. 74–78.
3. Popkov, V.D. (2002) “Klassicheskie” diaspor: k voprosu o definitsii termina [“Classic” diasporas: on the definition of the term]. *Diaspor*. 1. pp. 6–22.
4. Tishkov, V.A. (2001) Istoricheskiy fenomen diaspor [The historical phenomenon of diaspora]. In: Polyakov, Yu.A. & Tarle, G.Ya. (eds) *Natsional'nyye diaspor v Rossii i za rubezhom v XIX–XX vv.* [National diasporas in Russia and abroad in the 19th – 20th centuries]. Moscow: RAS. pp. 9–44.
5. Safran, W. (2004) Sravnitel'nyy analiz diaspor. Razmyshleniya o knige Robina Koena “Mirovyie diaspor” [Comparative analysis of diasporas. Reflections on Robin Cohen’s “World Diasporas”]. *Diaspor*. 4. pp. 138–139.
6. Safran, W., Cohen, R. & Shain, Y. (2014) Teoriya diaspor glazami ottsov-osnovateley. Interv'yu s Uil'yamom Safranom, Robinom Koenom i Yossi Shainom [The theory of diasporas through the eyes of the founding fathers. Interview with William Safran, Robin Cohen and Yossi Shain]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 127. [Online] Available from: <http://www.nlobooks.ru/node/514> (Accessed: 1st August 2017).
7. Kondratieva, T.S. (2010) *Diaspor v sovremennom mire: evolyutsiya yavleniya i ponyatiya* [Diasporas in the modern world: the evolution of phenomena and concepts]. [Online] Available from: http://www.perspektivy.info/book/diaspor_v_sovremennom_mire_evolyutsiya_yavleniya_i_ponatiya_2010-02-27.htm. (Accessed: 8th August 2017)
8. Popkov, V.D. (n.d.) *Nekotorye osnovaniya dlya tipologii diaspor* [Some reasons for the typology of diasporas]. [Online] Available from: <http://lib.socio.msu.ru/library?e=d-000-00---0kongress>. (Accessed: 2nd August 2017).
9. Arutyunov, S.A. & Kozlov, S.Ya. (2005) Diaspor: skrytaya ugroza ili dopolnitel'nyy resurs [Diasporas: a hidden threat or an additional resource]. *Nezavisimaya gazeta*. 23rd November.
10. Popkov, V.D. (2014) Diasporal'naya obshchina – model' otnosheniy etnicheskikh migrantov s primimayushchim soobshchestvom [Diasporal community as a model of relations between ethnic migrants and the host community]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 127. [Online] Available from: <http://www.nlobooks.ru/node/5149>. (Accessed: 1st August 2017)
11. Tretyakov, V. (2014) Konets diaspor (Obzor zhurnal “Diaspora: A Journal of Transnational Studies”) [The end of diasporas (Review of the journal “Diaspora: A Journal of Transnational Studies”)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 127. [Online] Available from: <http://www.nlobooks.ru/node/5150>. (Accessed: 3rd August 2017)
12. The State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK).
13. Nesterova, E.I. (2008) Atlantida gorodskogo masshtaba: kitayskie kvartaly v dal'nevostochnykh gorodakh (konets XIX – nachalo XX v.) [Atlantis of a city scale: Chinatowns in Far Eastern cities (late 19th – early 20th centuries)]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 4. pp. 44–57.
14. Klipka, K.K. (2013) Chinese people in Tomsk in the 19th century and at the beginning of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 6(26). pp. 158–164. (In Russian).
15. The State Archives of the Novosibirsk Region (GANO).
16. Siberian Revolutionary Committee. (1923) *Godovye itogi na khozyaystvenno-politicheskom fronte Sibiri 1922–1923 g.* [Annual results on the economic and political front of Siberia, 1922–1923]. Novonikolaevsk: Sibrevkom.
17. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI).
18. The USSR Centre of Statistics. (1928) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 g.* [The All-Union Population Census of 1926]. Vol. 6. Moscow: CS USSR.
19. Anon. (1930) *Vostochno-Sibirskiy kray. Planovaya komissiya. Statisticheskiy sektor. Rayony Vostochno-Sibirskogo kraya v tsifrakh* [East Siberian region. Planning Commission. Statistical Sector. Districts of the East Siberian Territory in numbers]. Irkutsk: Kraygiz.
20. Anon. (1929) Ob"yasnitel'naya zapiska k etnograficheskoy karte Sibiri [Explanatory note to the ethnographic map of Siberia]. In: *Trudy komissii po izucheniyu plemennogo sostava naseleniya SSSR i sopredel'nykh stran* [Proceedings of the commission for the study of the tribal structure of the population of the USSR and neighboring countries]. Issue 17. Leningrad: USSR AS.
21. Datsyshen, V.G. (n.d.) *Kitaytsy v Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [The Chinese in Siberia and the Far East]. [Online] Available from: <http://bsk.nios.ru/enciklopediya/kitaycy-v-sibiri-i-na-dalnem-vostoke>. (Accessed: 25th July 2017).
22. *Krasnoyarskiy rabochiy*.
23. Kyzlasov, L.R. (ed.) (1993) *Istoriya Khakasii* [The History of Khakassia]. Moscow: Vostochnaya literatura.
24. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO).
25. Azarenko, Yu.A. (1997) [Events on the CER and Siberian Communists]. *Problemy istorii mestnogo upravleniya Sibiri XVII–XVIII vv.* [Problems of history and local administration in Siberia in the 17th – 18th centuries]. Proc. of the Conference. Novosibirsk. pp. 103–112. (In Russian).

26. Zaleskaya, O.V. (2009) Integratsiya kitayskikh trudyashchikhsya v sotsial'no-ekonomicheskuyu zhizn' Dal'nego Vostoka Rossii (1920-1930-e gg.) [Integration of Chinese workers in the socio-economic life of the Far East of Russia (1920–1930s)]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*. 4. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12981593>. (Accessed: 3rd August 2017)
27. Gelbras, V. (2001) Kitayskie zemlyachestva v rossiyskikh regionakh [Chinese communities in the Russian regions]. *Diaspora*. 2-3. pp. 113–125.
28. The Archive of Minusinsk (AGM).
29. Ryzhova, N.P. (2009) *Integratsiya ekonomicheskikh migrantov v regionakh Rossii. Formal'nye i neformal'nye praktiki* [Integration of economic migrants in Russian regions. Formal and informal practices]. Irkutsk: Ottisk.